

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В.

КУРГАН СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ МОГИЛЬНИКА ЗИНЦЕВА БАЛКА (СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЕ ПРИАЗОВЬЕ)

Реферат: В 2005-2006 гг. археологическая экспедиция Донецкого обл. краеведческого музея провела раскопки курганной группы из 4-х насыпей на окраине г. Мариуполя. Наше внимание привлек курган 4 – единственный в группе, который был возведен в эпоху поздней бронзы и содержал лишь погребения срубной культуры. Интерес к кургану 4 усиливался тем, что при исследовании насыпи были выявлены случаи прямой стратиграфии нескольких погребений одной культуры, что для курганов позднебронзовой эпохи встречается нечасто. Помимо этого, проведенный антропологический анализ погребенных показал, что большая часть выявленных в центре кургана захоронений являлись женскими (7 из 9, где с той или иной долей вероятности определен пол умерших) и только одно погребение, выделяющееся к тому же планиграфически (на краю насыпи), принадлежало мужчине. В статье публикуются материалы раскопок кургана 4, подробно разбирается стратиграфия, заостряется внимание на имевшей место у носителей срубной культуры практике “сепарирования” умерших. Авторов заинтересовала проблема существования “женских” курганов. В статье было учтено 189 курганов с относящимися к срубной культуре погребениями женщин (как основными, так и впускными). При этом 93 кургана исследованы на восточной территории срубной культурно-исторической общности (Среднее и Нижнее Поволжье, Южный Урал) и 96 – на западной (Днепро-Донецкий регион, Подонье, Предкавказье). В зависимости от соотношения захоронений разных половых и возрастных групп рассматриваемые курганы были разделены на группы в рамках обобщенных территорий: “Восточной” и “Западной”. Анализ групп привел нас к выводу, что на обеих территориях срубной общности существовала достаточно выраженная практика, предполагавшая погребение части женщин отдельно от мужчин, детей и подростков. Женщин чаще хоронили отдельно от детей и подростков, чем с ними. У женщин вероятность быть погребенными в одном кургане с детьми и подростками была выше, чем вероятность быть погребенными с мужчинами. В “женских” курганах значительно чаще присутствовало погребение одной женщины, чем двух и более. Среди всех известных нам “женских” курганов публикуемый курган 4 могильника Зинцева Балка наиболее интересен и уникален из-за “рекордного” соотношения женских и мужских погребений, а также из-за того, что массив захоронений этого кургана формировался на протяжении довольно длительного времени – не менее, а скорее более двух веков, что подразумевает высокую знаковую нагрузку этой обычной с первого взгляда насыпи.

Ключевые слова: срубная общность, погребение, социальная группа, половозрастная группа.

Abstract: Several years ago an archaeological expedition of Donetsk Regional Museum excavated a barrow group which consisted of 4 mounds located at suburb of Mariupol (Donetsk province, Ukraine). The barrow 4 is the only one in the group which was mounded in the late Bronze Age and in which there were burials of Timber-Grave culture only. This barrow is also remarkable because the exploration of the mound has revealed some cases of straight stratigraphy of several burials of the same culture. Moreover, an anthropological analysis of the deceased has revealed that most of the burials excavated in the centre of the barrow were female and only one burial was male, it was singled out in planigraphy besides (located at the edge of the mound). The paper presents materials of excavation of barrow 4, profoundly describes its stratigraphy, and emphasizes a practice of “separation” of the deceased which was observed by people of Timber-Grave culture. The authors were interested in a problem of existence of “female” barrows. They have considered 189 barrows which contained the Timber-Grave culture burials of women (burials both primary and secondary buried in a barrow). The authors have explored 93 barrows at the eastern territory of Timber-Grave cultural-historical community (the Middle and the Lower Volga reaches, the Southern Ural Mountains) and 96 barrows at the western territory (Dnepr-Donets region, the Don reaches, Ciscaucasia). According to a correlation of different sex and age groups of burials the authors have divided the barrows into groups within the frameworks of generalized “Eastern” and “Western” territories. The analysis of groups has enabled the authors to conclude that on both territories of Timber-Grave community there was quite strictly observed practice of burying some of women separately from men, children and teenagers. They buried women separately from children and teenagers rather than together with them. At the same

time, they buried women with children and teenagers more often than with men in one barrow. One woman was buried much more often than two or more in “female” barrows. The barrow 4 of Zintseva Balka burial ground is unique among all known “female” barrows because of a “record” correlation of female and male burials. It is also outstanding because a corpus of burials of this barrow had been forming throughout a long period of time (not less but rather more than two centuries) which implies that this mound, which seems usual at first sight, was very meaningful.

Keywords: Timber-Grave community, barrow, burial, social group, sex and age group.

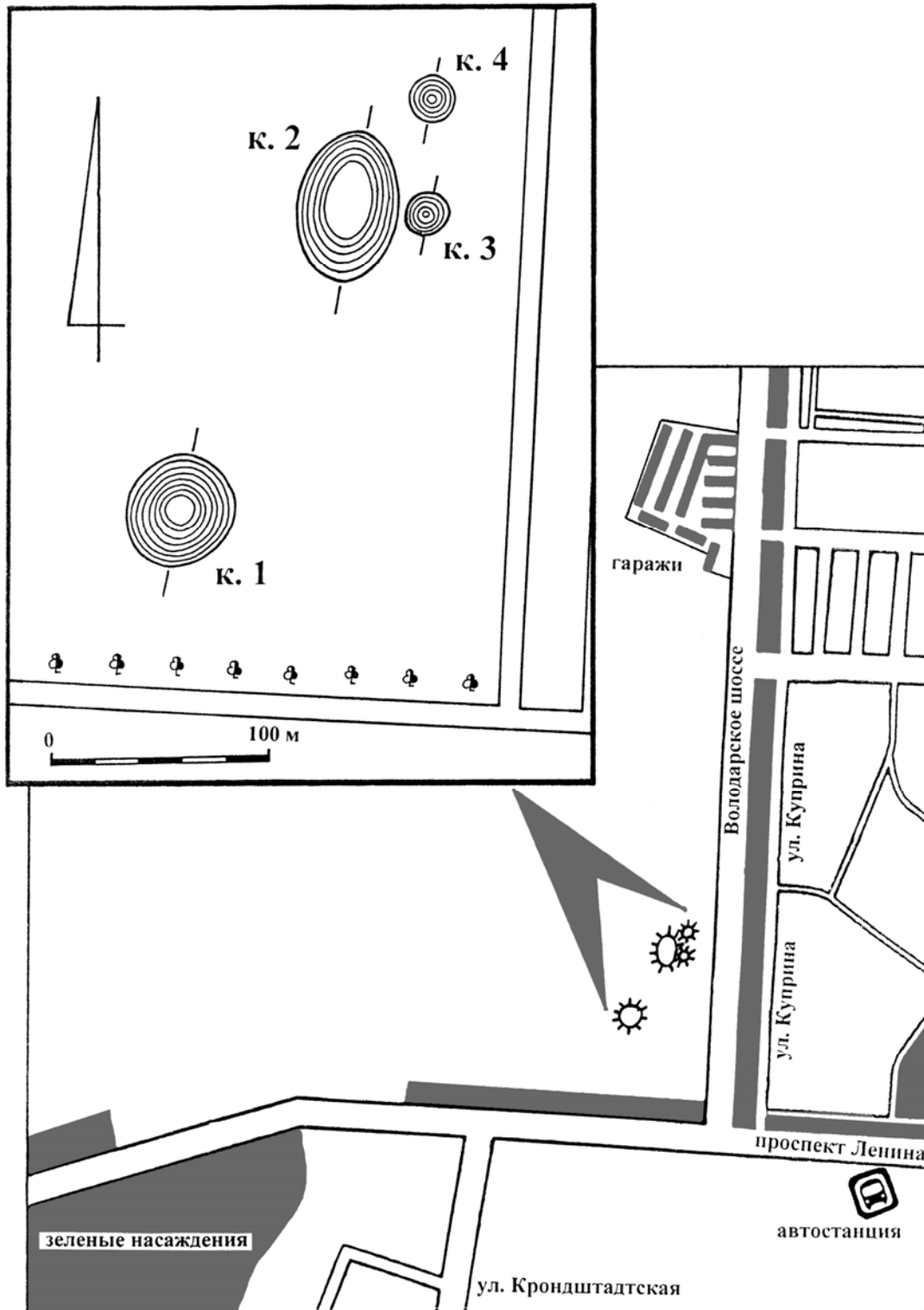

Рис. 1. Курганная группа Зинцева Балка на юго-западной окраине г. Мариуполя
Fig. 1. Zintseva Balka burial ground at the south-western outskirts of Mariupol

В 2005-2006 гг. экспедиция Отдела охраны памятников археологии Донецкого областного краеведческого музея провела охранные раскопки курганной группы Зинцева Балка. Группа состояла из 4 курганов, которые находились на юго-западной окраине г. Мариуполь Донецкой обл. (рис. 1). Она занимала водораздел верховьев балок Тамарина и Зинцева (существует и более поздняя версия названия – Зинцова¹) (бассейн Азовского моря). Курганы группы располагались по линии юго-запад – северо-восток (рис. 1). Информация о кургане 1 уже была введена в научный оборот [Усачук и др. 2007]. Он содержал по одному погребению бабинской и срубной культур, погребение белозерского времени, средневековое, два христианских захоронения нового времени и два неопределенных. В кургане 2, насыпь которого сильно пострадала в годы Великой Отечественной войны, были ямное, катакомбные, срубные погребения, культовый комплекс эпохи раннего железа и захоронение кочевника эпохи средневековья. В кургане 3 выявлены катакомбные, бабинское и средневековое погребения.

Целью настоящей публикации является введение в научный оборот захоронений кургана 4 – единственного в группе, который был возведен в эпоху поздней бронзы и содержал лишь погребения срубной культуры. Раскопки его (как и всей группы) производились под руководством А.Н. Усачука². Публикуемый курган являлся крайним северо-восточным в группе (рис. 1). Насыпь его практически не фиксировалась визуально, поскольку данный участок интенсивно распахивался в течение многих десятилетий. Вдобавок на момент раскопок бывшая пашня заросла густой травой. Местонахождение кургана было определено на основании плана курганной группы, сделанного Ю.Б. Полидовичем и В.В. Цимидановым в начале 90-х гг. прошлого столетия. Высота кургана 4 тогда составляла 0,3 м. В 2006 г. она была 0,08-0,09 м. Во время раскопок выяснилось, что юго-западную полу насыпи повредили траншея (окоп?) и яма XX в. (рис. 2, 1). Кроме того, центральную и северо-восточную часть насыпи нарушили ямы трех деревянных столбов забора, располагавшегося по линии юго-запад – северо-восток (рис. 2, 1). Судя по хорошей сохранности остатков древесины от столбов, последние были вкопаны много позже окончания Великой Отечественной войны. Одна из упомянутых ям попала в западный профиль центральной бровки (см. ниже), другая повредила п. 4.

Курган раскапывался при помощи бульдозера марки Б10М с оставлением центральной бровки по линии север – юг шириной 1,1-1,2 м. По обе стороны от нее были проложены две траншеи длиной 20 м и шириной 6,70-6,85 м каждая (рис. 2, 1).

В профилях бровки прослеживалась следующая стратиграфия (рис. 2, 2):

1. С поверхности до глубины 0,25-0,30 м залегал пахотный слой черно-коричневого цвета;

2. В южной части восточного профиля бровки под пахотным слоем четко выделялась прослойка темно-серого цвета мощностью от 0,05 до 0,10 м. Она перекрывала первичную насыпь кургана, имевшую светло-серый цвет. Это была нижняя часть досыпки, увеличившей первичный курган. Отмеченная досыпка фиксировалась и в западном профиле бровки, но на сей раз – не только в южной, но и частично в центральной части насыпи. Поскольку большая часть толщи досыпки оказалась переотложенной вследствие распашки, выяснить,

¹ В первой отчетной публикации нами употреблялась поздняя версия названия – Зинцова Балка [Усачук и др. 2007]. Позже мы пришли к выводу, что памятник нужно называть Зинцева Балка [Подобед и др. 2012, с. 214, 219, 220] вслед за П.М. Пиневицем, который еще в конце 20-х гг. прошлого столетия проводил здесь разведки и раскопки, называя балку и поселение в ней Зинцовой [Пиневиц 1925-1929, с. 11,12; 1929, л. 15об, 16, 18; Кучугура 2006а, с. 29; 2006б, с. 296].

² В раскопках курганной группы, кроме авторов предлагаемой статьи, принимали участие Э.Е. Кравченко, В.И. Кузин, А.Н. Петренко, С.Н. Разумов, С.Г. Небрат. Уместным было, пусть и кратковременное, участие в исследованиях Р.А. Литвиненко и Р.А. Мимохода. Отдельно отметим внимание со стороны сотрудников Мариупольского краеведческого музея, в частности – Л.И. Кучугуры.

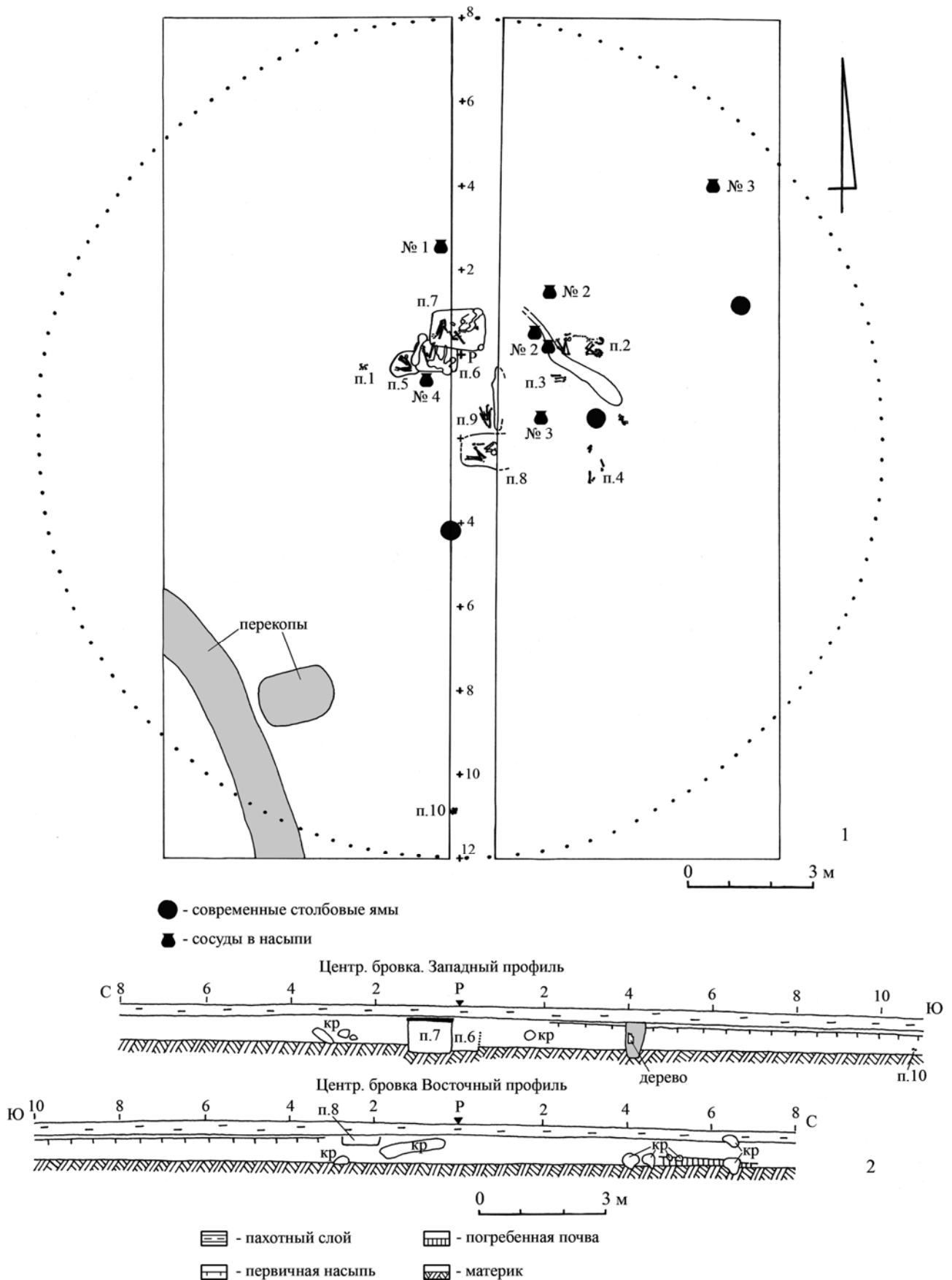

Рис. 2. Курганная группа Зинцева Балка, курган 4: 1 – общий план; 2 – стратиграфические разрезы
 Fig. 2. Zintseva Balka burial ground, barrow 4: 1 – the general layout; 2 – stratigraphic sections

перекрывала ли данная досыпка весь первичный курган или же лишь его центральную и южную часть, оказалось невозможным;

3. Под пахотным слоем и досыпкой залегала первичная насыпь. Она имела светло-серый цвет, переходивший в нижней части (примерно в 0,15 м выше уровня материка) без резкой границы в желто-коричневый. Поскольку толщина погребенной почвы (см. ниже) составляла около 0,25 м, можно допустить, что первичная насыпь имела мощность около 0,60 м в своей центральной части (рис. 2, 2);

4. В северной части восточного профиля бровки на глубине 0,65-0,80 м от современной поверхности кургана фиксировался участок погребенной почвы мощностью до 0,25 м, причем толщина этой почвы возрастала к центру кургана (рис. 2, 2);

5. На глубине 0,90-0,95 м от центрального репера залегал материк.

В 4,0 м на юг от центрального репера в западном профиле бровки под пахотным слоем была зафиксирована конусовидная яма от современного столба с остатками древесного тлена (рис. 2, 2). Ширина ямы составляла 0,45 м, глубина от поверхности – около 1,15 м.

В центральной части западного профиля бровки фиксировались локальные нарушения насыпи землеройными животными.

В 1,00-1,25 м на север от центрального репера в западном профиле бровки фиксировалась яма п. 7, которая перерезала практически всю первичную насыпь и входила в материк на 0,16-0,18 м. На глубине 0,28 м над ямой п. 7 сохранились остатки ее перекрытия в виде прослойки бело-желто-оранжевого цвета мощностью до 0,05-0,08 м (рис. 2, 2).

В центре западного профиля бровки яма п. 7 перерезала сохранившуюся частично яму п. 6, которая углублялась в материк на 0,1 м (рис. 2, 2).

В западном профиле бровки, в 10,8 м на юг от центрального репера на глубине 0,80-0,85 м были выявлены мелкие фрагменты черепа и костей человека (п. 10) (рис. 2, 2).

В восточном профиле бровки фиксировалось множество нор землеройных животных, которые частично нарушили погребенную почву. Самая крупная нора прорезала толщу восточного профиля в 0,30-1,85 м к юго-востоку от репера (рис. 2, 1), сильно разрушив п. 9 (рис. 2, 2);

В 1,85-2,75 м к югу от репера в восточном профиле бровки под пахотным слоем прослеживалась яма п. 8, которая врезалась в первичную насыпь на глубину до 0,20-0,25 м (рис. 2, 2).

В целом, в кургане 4 могильника Зинцева Балка было исследовано 10 погребений, относящихся к срубной культуре эпохи поздней бронзы. Погребения 1-9 концентрировались в центральной части насыпи на участке площадью около 25 м² (рис. 2, 1) и только п. 10 размещалось в 8 м к югу от них (рис. 2, 1).

Кроме того, в насыпи кургана были обнаружены развалы 4-х сосудов, не сопровождавшихся человеческими костями:

Сосуд 1 (рис. 3, 1)³ стоял в 2,60 м от Р под углом 380° на глубине 0,45 м (рис. 2, 1) (здесь и ниже глубины даются от репера). Поскольку сосуд был поврежден бульдозером, “срезавшим” его верхнюю часть, невозможно установить, относился ли он к банкам или горшкам⁴. В тесте – достаточно большое количество песка и, скорее всего, небольшая добавка органики. Лепка небрежная. Внешняя поверхность сосуда заглажена, но остались неровности. На внутренней поверхности видны следы кругового заглаживания пальцами после прилепа стенок ко дну. Цвет – серо-черный, черепок в изломе – черный. Размеры: диаметр (далее Ø) венчика реконструируется в пределах 9,0-9,4 см, Ø тулова – 10,3 см, Ø дна – 8,4 см, высота сохранившейся части – 6,45 см (реконструируемая высота сосуда – около 8 см). Толщина стенок – 0,8-0,9 см, дна – до 1,0 см.

³ Находки из кургана 4 сданы на хранение в Мариупольский краеведческий музей.

⁴ Критерии отличия банок от горшков наиболее полно были сформулированы В.Н. Горбовым [1994].

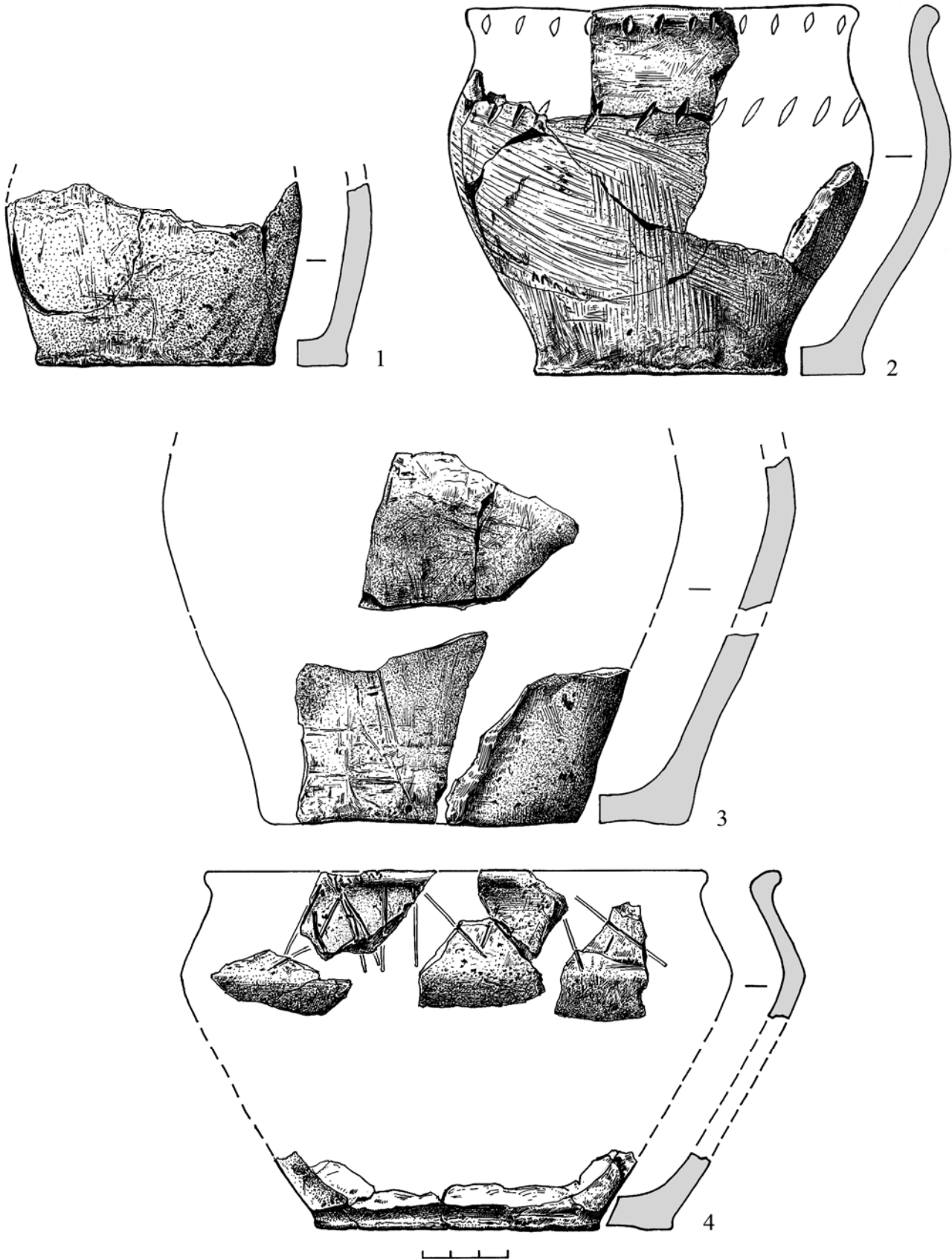

Рис. 3. Курганная группа Зинцева Балка, курган 4, развалы сосудов в насыпи:
1 – сосуд 1; 2 – сосуд 2; 3 – сосуд 3; 4 – сосуд 4

Fig. 3. Zintseva Balka burial ground, barrow 4, breakups of vessels in the mound:
1 – vessel 1; 2 – vessel 2; 3 – vessel 3; 4 – vessel 4

Сосуд 2 (рис. 3, 2) сохранился во фрагментах, которые были выявлены на расстоянии до 1,25 м друг от друга в 2,10-2,60 м от Р под углами 60°, 70°, 84° от него на глубине 0,2-0,25 м (в пахотном слое) (рис. 2, 1). Вероятно, сосуд в момент его захоронения был целым. Учитывая глубину залегания фрагментов, можно предположить, что его поместили на поверхность первичной насыпи или в неглубокую ямку, вырытую в ней. Небольшая глубина залегания изделия обусловила его разрушение и “растаскивание” фрагментов вследствие распашки. Во время реставрации фрагменты изделия были склеены. Сосуд относится к горшкам. Примеси в тесте визуальнo не фиксируются. Лепка более-менее аккуратная. На внешней поверхности в верхней трети сосуда (выше перегиба) локально сохранились слабые пальцевые расчесы. Ниже перегиба поверхность сосуда заглажена зубчатым штампом (видны разнонаправленные следы расчесов). Этим же орудием заглаживалась и внутренняя поверхность, причем в районе венчика следы штампа идут, в основном, горизонтально, ниже – диагонально. Расчесы на обеих поверхностях сосуда наносились на влажную основу. После расчесов на сосуде был выполнен орнамент в виде двух поясов косых продолговато-овальных вдавлений (под венчиком и несколько выше максимального расширения тулова). Для нанесения орнамента использовались разные деревянные (?) орудия или два разных рабочих торца одного орудия: под венчиком вдавления имеют длину 0,6-0,7 см, а на тулове – 1,15-1,30 см. Поверхность сосуда серого цвета, черепок в изломе черный. Размеры: Ø венчика – 14,0-14,2 см, Ø тулова – 15,2 см, Ø дна – 9,1 см, высота – 13,3 см. Толщина стенок – 0,6-0,7 см, дна – до 1,0-1,1 см. Возможно, сосуд 2 относится к п. 2 (см. ниже).

Сосуд 3 (рис. 3, 3) сохранился во фрагментах, которые были обнаружены в двух местах (в 7,90 м друг от друга) (рис. 2, 1). То, что данные фрагменты являются частями одного сосуда, следует из практически одинакового вида черепков (как по цвету, так и по характеру теста и лепки). Фрагменты дна найдены в 2,4 м под углом 127° от Р на глубине 0,2-0,25 м, фрагменты стенок – в 7,25 м под углом 56° от Р на глубине 0,2 м. Ситуация с находившимся в пахотном слое сосудом 3 похожа на ситуацию с сосудом 2, с той разницей, что фрагменты сосуда 3 были рассеяны вспашкой на большей площади. Сосуд, вероятно, являлся горшком. Тесто с добавлением песка, лепка аккуратная. Поверхность ровная, заглажена пальцами и каким-то более-менее эластичным орудием, оставившем на сосуде мелкие разнонаправленные расчесы. Тесто серо-оранжевого цвета, черепок в изломе такой же. Размеры: Ø венчика не восстанавливается, Ø тулова реконструируется в пределах 18,0-18,1 см, Ø дна – около 11,0 см, высота сохранившейся части реконструируется в пределах 13,0 см. Толщина стенок – 0,9-1,0 см, дна – до 1,0 см (оно немного вогнуто). На стыке дна и стенок толщина увеличивается до 2,0 см.

Сосуд 4 (рис. 3, 4) сохранился во фрагментах, которые были найдены в 1,0 м под углом 235° от Р на глубине 0,58 м (разрушен бульдозером) (рис. 2, 1). Зафиксировано, что сосуд стоял на дне. Некоторые фрагменты во время реставрации удалось склеить. Сосуд относится к острореберным. В тесте много крупных фракций песка. На верхней трети сосуда под венчиком был выполнен прочерченный орнамент в виде зигзага. Для нанесения орнамента использовалось деревянное острие. Поверхность сосуда оранжевого цвета с небольшими серыми пятнами (обжиг неровный), черепок в изломе черный. Размеры: Ø венчика реконструируется в пределах 17,6 см, Ø ребра – около 19,2 см, Ø дна – 10,0 см, высота реконструируется в пределах 12,6 см. Толщина стенок – 0,5 см в верхней части, до 0,7 см – ниже ребра, и 0,9 см – у дна. С внешней стороны дно сосуда по периметру имеет плоскую полосу шириной до 1,5 см, внутри которой оно немного вогнуто. Возможно, сосуд 4 относился к п. 6 (см. ниже).

Погребение 1 (впускное) (рис. 5, 1) размещалось в 2,21 м под углом 263° от Р на глубине 0,41 м. Контуры ямы не прослеживались. От костяка женщины 20-30 лет⁵

⁵ Здесь и далее антропологические определения выполнены А.А. Хохловым (г. Самара).

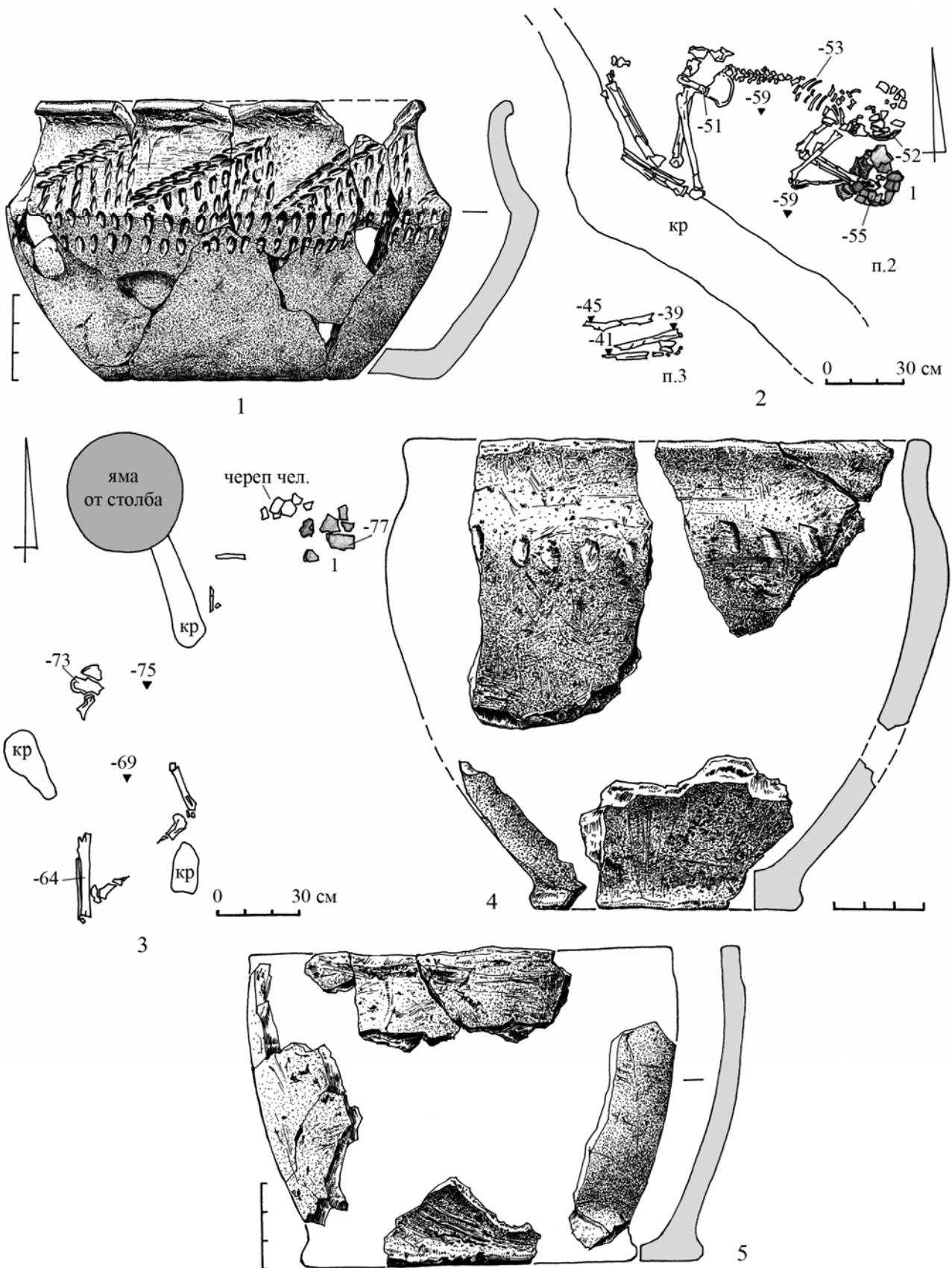

Рис. 4. Курганная группа Зинцева Балка, курган 4: 1 – сосуд из п. 2; 2 – п. 2 и п. 3 (1 – развал сосуда); 3 – п. 4 (1 – развалы сосудов); 4 – сосуд 1 из п. 4; 5 – сосуд 2 из п. 4

Fig. 4. Zintseva Balka burial ground, barrow 4: 1 – a vessel from burial 2; 2 – burials 2 and 3 (1 – a breakup of vessel); 3 – burial 4 (1 – breakups of vessels); 4 – vessel 1 from burial 4; 5 – vessel 2 from burial 4

сохранилось небольшое количество фрагментов черепа, мелкие фрагменты длинных костей, фрагмент ключицы. Положение умершей не восстанавливается. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 2 (впускное) (рис. 4, 2) находилось в 2,9 м под углом 85° от Р на глубине 0,59-0,61 м.

Контуры ямы не прослеживались, тем более, что погребение было частично нарушено норами землеройных животных. Судя по положению и глубине залегания сосуда 2 в насыпи кургана, можно предположить, что он был поставлен возле западного края ямы данного погребения. В таком случае, глубина ямы п. 2 составляла около 0,4 м от уровня впуска.

Костяк взрослого человека (женщина, 25-30 лет) плохо сохранился, но можно установить, что погребенная была уложена в скорченном положении на левом боку, головой на восток с очень небольшим отклонением к югу. Руки были согнуты в локтях, кисти размещались напротив лица. Ноги в тазобедренном суставе были согнуты почти под прямым углом, а в коленях – под острым. Стопы ног не сохранились, поскольку западную часть погребения нарушила крупная нора. Перед лицом погребенной, очевидно – на кистях рук, был поставлен сосуд.

Сосуд (рис. 4, 1) относится к острореберным. С внешней стороны дно сосуда по периметру имеет плоскую полосу шириной до 1,0 см; внутри этой полосы оно немного вогнуто. Тесто комковатое, с примесью песка и светло-серой органики (?). Лепка, в целом, аккуратная, но имеются небольшие неровности на внутренней поверхности. На внешней поверхности локально сохранились слабые тонкие горизонтальные следы разглаживания глины плотным орудием типа ложила (скорее всего, деревянного). Внутренняя поверхность сосуда разглаживалась при помощи пальцев – сохранились их горизонтальные и диагональные следы. После разглаживания внешней поверхности на сосуд был нанесен сложный орнамент. Он состоит из фриза своеобразных треугольников, который сверху ограничивала горизонтальная линия отпечатков шнура, располагавшихся под отогнутым венчиком, а снизу – два ряда продолговатых оттисков деревянного орудия, выполненных, в основном, ниже ребра. Своеобразие треугольников заключается в двух моментах:

1. Они выполнены в комбинированной технике: наклонные линии отпечатков шнура сочетаются с почти вертикальными рядами продолговатых вдавлений деревянного штампа (при их нанесении использовалось не то орудие, которым были выполнены вдавления под ребром сосуда). Данные ряды включают до 4 оттисков, выполненных с разной силой и разной степенью аккуратности;

2. На первом этапе построения треугольников, похоже, были сделаны наклонные оттиски шнура, а на втором – под каждым из них выполнялись вертикальные ряды вдавлений штампа.

Поверхность сосуда серого цвета с черно-серыми разновеликими пятнами, черепок в изломе черный. Размеры: Ø венчика – 13,5 см, Ø ребра – 15,4 см, Ø дна – 8,6 см, высота – 9,7 см. Толщина стенок: в районе венчика – 0,6 см, плечика – 0,8 см, тулова – 0,8-0,9 см. Толщина дна – 0,85 см, по краю (в местах размещения плоской полосы) – 1,1 см.

Погребение 3 (впускное) (рис. 2, 2) размещалось в 2,6 м под углом 102° от Р на глубине 0,39-0,45 м (в 0,5 м к югу от п. 2). Контуры ямы не прослеживались, погребение было почти полностью разрушено крупной норой, прошедшей между ним и п. 2.

От скелета человека зрелого возраста (пол не определяется) сохранились только фрагменты бедренных и берцовой кости. Судя по расположению костей ног, умерший был положен скорченно на левом боку, головой на север или северо-восток. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 4 (впускное) (рис. 4, 3) находилось в 3,85 м под углом 117° от Р на глубине 0,69-0,73 м, в 1,5 м на юго-восток от близко расположенных п. 2 и п. 3.

Контуры ямы не прослеживались. Погребение было частично разрушено кротовиной и ямой от современного столба. В заполнении последней найдены фрагменты локтевой и

лучевой костей человека. В 0,3 м к востоку от ямы были обнаружены разрозненные кости черепа человека и возле них – фрагменты 2-х сосудов. В 0,2 м и 0,3 м к юго-западу от фрагментов черепа находились фрагменты лучевой кости, по этой же оси в 0,9 м от черепа – фрагменты крыла таза и бедренной кости (шейка с головкой). В 0,37-0,41 м к юго-востоку и югу от фрагментов таза выявлены фрагменты бедренной, больших берцовых и малой берцовой костей человека. Кости, имеющие очень плохое состояние, принадлежали, вероятно, женщине (*adultus*).

Сосуд 1 (рис. 4, 4) сохранился во фрагментах. Он относится к горшкам. Лепка аккуратная, в районе венчика сохранились следы пальцев (особенно на внутренней стороне). Внешняя и внутренняя поверхности сосуда старательно затерты. На внешней стороне видны тонкие, в основном вертикальные расчески, под которыми просматриваются и горизонтальные следы расчесов. На внутренней стороне сосуда следы расчесов разнонаправленные, но в основном – вертикальные. Поверх расчесов по ребру сосуда идет ряд овальных и подпрямоугольных неглубоких вдавлений, сделанных деревянным орудием. Сосуд серо-коричневого цвета, черепок в изломе черный. Размеры: Ø венчика реконструируется в пределах 17,7 см, Ø ребра – около 19,0 см, Ø дна – 9,0 см, высота реконструируется в пределах 15,7 см. Толщина стенок 0,8-0,9 см, в районе ребра – 1,10-1,15 см, толщина дна – 1,3 см.

Сосуд 2 (рис. 4, 5) сохранился во фрагментах (во время реставрации часть из них была склеена). Он может быть отнесен к банкам. Некоторые фрагменты демонстрируют едва заметное (очевидно, локальное) утончением венчика. В тесте небольшое количество песка. Лепка небрежная, особенно в районе венчика. Внешняя поверхность сосуда заглажена, но остались неровности. Под венчиком – слабые тонкие следы горизонтального заглаживания. У дна – локально сохранились более глубокие и грубые следы диагональных расчесов. На внутренней поверхности сосуда фиксируются слабые редкие горизонтальные расчески, на которые накладываются следы диагональных расчесов. Цвет сосуда – серо-черный, черепок в изломе – черный. Размеры: Ø венчика около 14,8 см, Ø дна – 11,7 см, высота реконструируется в пределах 10,9-11,0 см. Толщина стенок – 0,7 см, дна – до 0,6 см.

Погребение 5 (основное) (рис. 5, 1) располагалось в 1,5 м под углом 262° от Р на глубине 0,95 м.

В предматериковом слое сохранилась часть овальной ямы, вытянутой по линии юго-запад – северо-восток. Ее восточная часть была разрушена п. 6 и кротовиной (рис. 5, 2). Размеры ямы: длина, вероятно, – около 1,2 м, ширина – 0,62-0,63 м. Глубина сохранившейся части ямы 0,05 м – дно было выведено на материк. С учетом не прослеженной здесь погребенной почвы, глубина ямы могла достигать 0,25-0,30 м. От скелета женщины (?) 18-25 лет сохранилась нижняя часть – таз и ноги. Верхнюю часть скелета разрушили п. 6 и крупная кротовина. При этом разрозненные фрагменты черепа умершей из п. 5 были выявлены на костях стоп скелета из п. 6 и на краю кротовины. Ноги погребенной были согнуты в тазобедренном суставе почти под прямым углом, в коленях – под острым. Стопы ног не сохранились. Судя по положению нижней части скелета, умершая была положена на левом боку скорченно, головой на восток с небольшим отклонением к северу. Очевидно, напротив головы или груди умершей был поставлен сосуд, разрозненные фрагменты верхней части которого находились чуть восточнее колен погребенной, а также в кротовине.

Сосуд (рис. 6, 1), нижняя часть которого не сохранилась, относится к острореберным. На внешней поверхности чуть ниже венчика и до ребра при помощи щепки нанесены грубые вертикально-диагональные расчески. Они легли на слабые горизонтальные расчески, оставленные при формовке сосуда. Внутренняя поверхность сосуда разглажена деревянным орудием, от которого остались грубые горизонтальные расчески. Кроме этого, здесь же обнаружены следы пальцев. Цвет сосуда серый с черными пятнами, черепок в изломе – черный. На внешней поверхности сохранился слой нагара. Размеры: Ø венчика – 17,5 см, Ø ребра – 20,2-20,3 см, высота сохранившейся части – 8,0 см. Толщина стенок – 0,6-0,7 см.

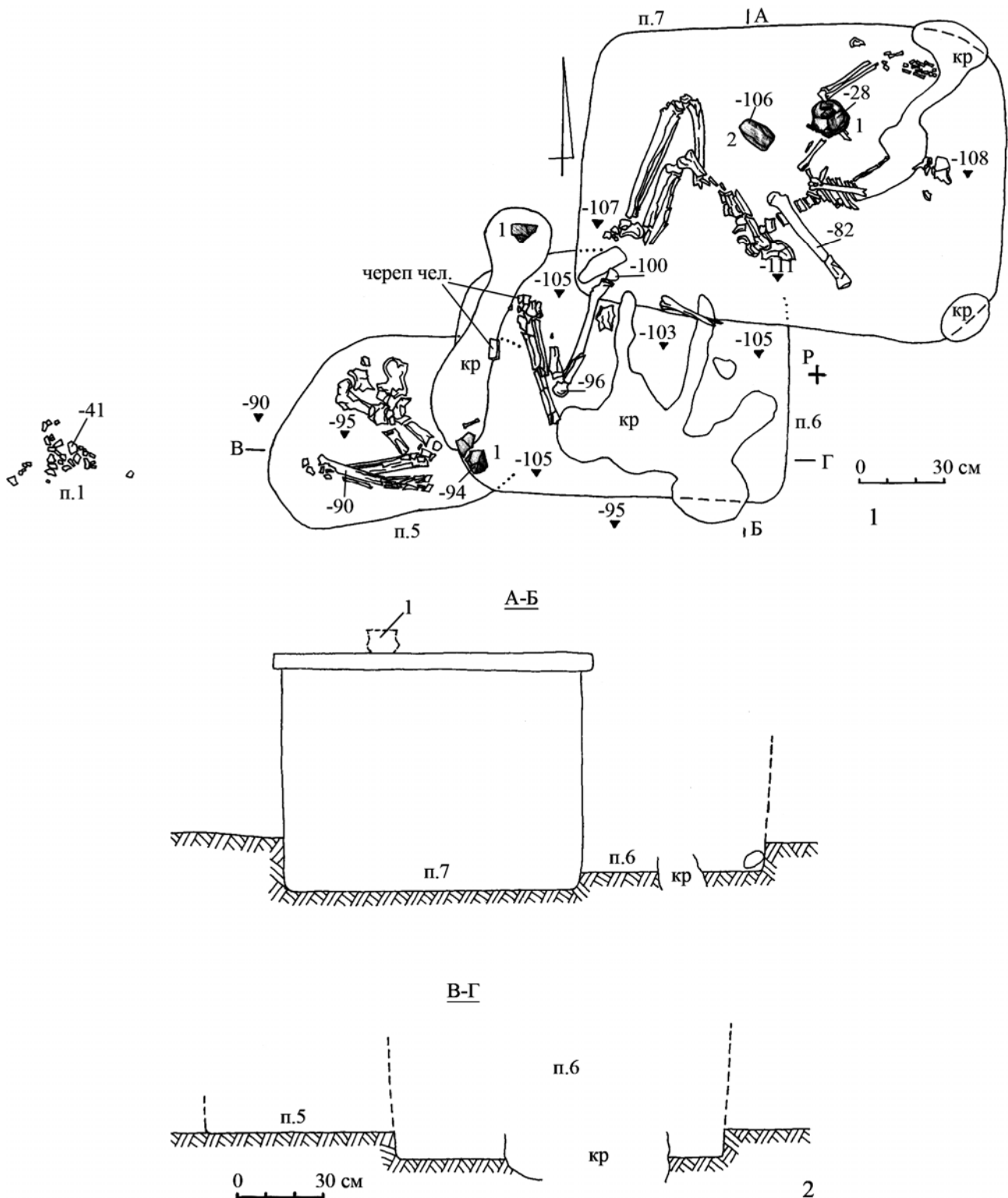

Рис. 5. Курганная группа Зинцева Балка, курган 4:

1 – п. 1, п. 5 (1 – фрагменты сосуда), п. 6 и п. 7 (1 – развал сосуда на перекрытии; 2 – пест);
 2 – стратиграфические разрезы п. 5, п. 6 и п. 7 (1 – положение сосуда на перекрытии п.7)

Fig. 5. Zintseva Balka burial ground, barrow 4:

1 – burial 1, burial 5 (1 – fragments of a vessel), burial 6 and burial 7 (1 – a breakup of vessel on the cover; 2 – a pestle); 2 – stratigraphic sections of burial 5, burial 6, and burial 7 (1 – a position of a vessel on the cover of burial 7)

Погребение 6 (впускное) (рис. 5, 1) находилось практически в центре насыпи (0,6 м под углом 265° от Р) на глубине 1,05 м.

В материке сохранилась нижняя часть прямоугольной ямы с сильно закругленными углами. Яма была вытянута по линии оси запад-восток. Ее сильно нарушили кротовины. Северо-восточная часть ямы была разрушена при совершении п. 7. Размеры ямы: длина 1,17 м, ширина – 0,86 м (возможно 0,88-0,89 м – неясно из-за сильных разрушений). Ко дну яма чуть сужалась. Глубина ее сохранившейся части достигала 0,12 м (рис. 5, 2). Судя по положению сосуда 4 в насыпи (рис. 2, 1), он вполне мог быть поставлен возле ямы п. 6 с южной стороны (расстояние сосуда от края ямы реконструируется в пределах 0,15-0,20 м). Впрочем, подобное развитие ситуации с п. 6 дискуссионно. Сосуд 4 был поставлен на некую поверхность, но судя по уровню его залегания (-0,58 м), эта поверхность находилась в толще первичной насыпи. То есть, либо п. 6 было совершено в яме с заплечиками, и на одно из них был поставлен сосуд, либо яма п. 6 была впущена с уровня первичной насыпи, а сосуд помещен в неглубокую ямку рядом с ним.

От скелета человека зрелого возраста (пол, скорее всего, женский) сохранились только правая бедренная, фрагменты берцовых и тазовых костей. На границе с ямой п. 7 выявлен и фрагмент плечевой кости. Некоторые кости скелета были найдены в заполнении ямы п. 7 (об этом ниже). Ноги погребенной были согнуты в тазобедренном суставе почти под прямым углом, в коленях – под острым. Судя по положению костей ног, покойницу положили в скорченном положении на левом боку, головой на восток. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 7 (впускное) (рис. 5, 1) размещалось практически в центре насыпи (0,7 м под углом 352° от Р) на глубине 1,11 м.

В первичной насыпи сохранилась прямоугольно-трапециевидная яма с закругленными углами (юго-восточный и северо-восточный углы были немного потревожены кротовинами). Яма была вытянута по линии запад-восток. Размеры ямы: длина 1,48 м, ширина – 1,13 м (в восточной части) и 0,95 м (в западной части), глубина достигала 0,77 м. На глубине 0,28 м от Р над ямой п. 7 были зафиксированы остатки перекрытия в виде прослойки бело-желто-оранжевого цвета мощностью до 0,05-0,08 м. Прослойка состояла из органического тлена с большим количеством мелких конкреций мергеля. Края перекрытия немного выходили за границы ямы (рис. 5, 2). На перекрытии, почти над центром ямы, был найден развал небольшого сосуда (рис. 5, 1), стоявшего слегка наклонно без части венчика (очевидно, сосуд разрушен во время распашки; реконструкцию положения сосуда см. на рис. 5, 2). В заполнении ямы на разных глубинах встречались мелкие фрагменты костей человека, в т.ч. – фрагменты нижней челюсти. На глубине 0,82 м в заполнении центральной части ямы была обнаружена левая берцовая кость человека. Все эти кости из заполнения ямы п. 7 являлись частями скелета п. 6.

На дне ямы находился скелет взрослого человека (женщина, 17-19 лет) в скорченном положении на правом боку, головой на восток. Руки согнуты в локтях, кисти располагались напротив лица (кости рук и череп разрушила кротовина). Ноги в тазобедренном суставе были согнуты почти под прямым углом, в коленях – под острым. Напротив тазовых костей погребенной на дне ямы лежал каменный пест.

Сосуд (рис. 6, 3) может быть отнесен к горшкам. В тесте содержится большое количество песка. В районе перегиба тулова сохранились следы лепки. На внешней поверхности зафиксированы разнонаправленные следы отпечатков по крайней мере двух зубчатых деревянных штампов. Уплотнение и разглаживание поверхности производилось по влажной основе. На внутренней поверхности сосуда сохранились горизонтальные следы неглубоких расчесов: производилось заглаживание пальцами и твердым (костяным?) орудием типа ложила. Цвет сосуда темно-серый, черепок в изломе – черный. Размеры: Ø венчика – 12,6 см, Ø ребра – 13,3 см, Ø дна – 9,8 см. Толщина стенок – 0,6-0,8 см, дна – до 0,8 см.

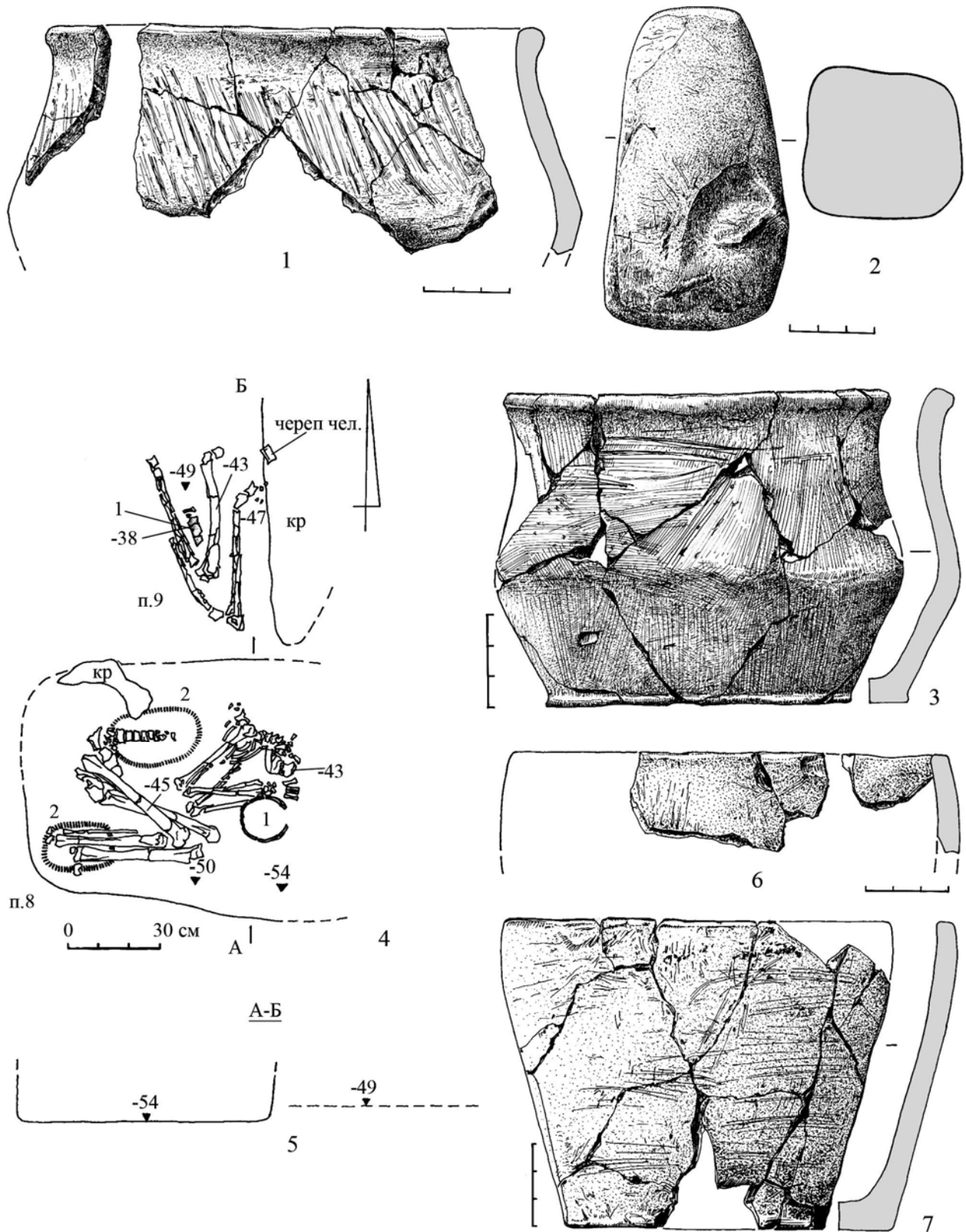

Рис. 6. Курганная группа Зинцева Балка, курган 4: 1 – сосуд из п. 5; 2 – пест из п. 7; 3 – сосуд с перекрытия п. 7; 4 – п. 8 (1 – сосуд; 2 – тлен от подстилки) и п. 9 (1 – фрагменты сосуда); 5 – стратиграфические разрезы п. 8 и п. 9; 6 – сосуд из п. 9; 7 – сосуд из п. 8

Fig. 6. Zintseva Balka burial ground, barrow 4: 1 – a vessel from burial 5; 2 – a pestle from burial 7; 3 – a vessel from the cover of burial 7; 4 – burial 8 (1 – a vessel; 2 – a dust from a mat) and burial 9 (1 – fragments of a vessel); 5 – stratigraphic sections of burial 8 and burial 9; 6 – a vessel from burial 9; 7 – a vessel from burial 8

Пест (рис. 6, 2) имеет вытянутую форму, подквадратное поперечное сечение и сглаженные разновеликие торцы. Размеры орудия: длина – 11,5 см, ширина узкого торца – 3,5 см, широкого – 5,9-6,0 см. Материал – гранит, происходящий, скорее всего, из приазовских открытых выходов.

Проведен трасологический анализ песта⁶. Поверхность орудия сильно заглажена и залощена, но при этом узкий торец залощен слабее, чем остальная часть поверхности. На нем имеются следы легкой затертости. Широкий торец имеет несколько выпуклую поверхность, на которой видны малочисленные слабовыраженные следы забитости. Вместе с тем, и этот торец залощен. Еще более залощены боковые грани. На них есть сколы. Все они, кроме одного, завальцованы и залощены. Орудие использовалось при работе с мягким материалом. Сколы и забитость связаны с использованием изделия как песта, затертость торцов – с применением его как растирального, а сильная залощенность – с большой продолжительностью использования орудия. Интересно, что в работе был задействован не только широкий торец, но и узкий (правда, последний – непродолжительное время).

Погребение 8 (впускное) (рис. 6, 4) находилось в 2,33 м под углом 163° от Р на глубине 0,54 м.

В первичной насыпи частично сохранилась прямоугольная яма с закругленными углами, которая была вытянута по линии запад – восток. Размеры ямы: длина сохранившейся части 0,9 м (реконструируемая длина в пределах 1,2-1,3 м), ширина – 0,85 м, глубина – около 0,30 м.

На дне ямы находился скелет взрослого человека (женщина (?), 25-30 лет). Тело было положено в сильно скорченном положении на левом боку, головой на восток. Руки были согнуты в локтях, кисти располагались напротив лица. Ноги в тазобедренном суставе и в коленях были согнуты под острыми углами. Под костями скелета (в районе таза, позвоночника и берцовых костей) сохранился черный органический тлен от подстилки. Возле лучевых костей напротив лицевого отдела черепа размещался сосуд.

Сосуд (рис. 6, 7) может быть отнесен к банкам. В тесте – небольшое количество песка. Лепка более-менее аккуратная. На внешней поверхности – следы горизонтальных тонких расчесов. Цвет сосуда – серо-черный, черепок в изломе – черный. Размеры: Ø венчика 14,0 см, Ø дна – 9,5 см, высота – 11,2 см. Толщина стенок – 0,7-0,75 см, в придонной части – до 1,2 см, толщина дна – 1,1 см.

Погребение 9 (впускное) (рис. 6, 4) размещалось в 1,5 м под углом 149° от Р на глубине 0,49 м. Оно находилось чуть севернее п. 8.

Контур ямы не прослеживались, погребение сильно разрушила крупная нора. От скелета человека зрелого возраста (пол не устанавливается) сохранились только фрагменты бедренных и берцовых костей. На краю кротовины недалеко от головок бедренных костей погребенного был найден фрагмент черепа человека. Судя по положению костей ног, умерший был положен в скорченном положении на левом боку, головой на восток (возможно, с небольшим отклонением к северу).

Между правыми бедренной и берцовыми костями находился фрагмент венчика сосуда.

Сосуд (рис. 6, 6), судя по фрагментам верхней части, относится к банкам. Тесто – почти без песка, лепка небрежная. На внешней поверхности – мелкие разнонаправленные расчесы. Цвет сосуда – серо-черный, черепок в изломе – черный. Размеры: Ø венчика 15,7 см. Толщина стенок – 0,7-0,8 см, дна – до 0,9 см.

Погребение 10 (впускное) (рис. 2, 1) располагалось в 10,8 м под углом 180° от Р на глубине 0,80-0,85 м (рис. 2, 2).

Контур ямы не прослеживались. От костяка мужчины 40-50 лет сохранились небольшие фрагменты черепа, мелкие фрагменты длинных костей рук и ног. Положение умершего не восстанавливается. Инвентарь отсутствовал.

⁶ Использовался микроскоп МБС-2. Анализ проведен А.Н. Усачуком 11 мая 2010 г.

По особенностям погребального обряда и керамики основную часть рассматриваемых погребений можно отнести к III горизонту погребений срубной культуры Северо-Восточного Приазовья, по периодизации Р.А. Литвиненко [1999, с. 14; рис. 13]. Возможно, **п. 5**, являвшееся самым ранним в колонке из **п. 5, 6** и **7**, датируется временем II горизонта. В пользу такой его хронологической позиции может свидетельствовать наличие на поверхности сосуда из данного захоронения довольно грубых расчесов, что иногда рассматривается как ранний признак применительно к срубной керамике (см., например: Литвиненко, 1999, с. 14)⁷. С **п. 5** связано начало сооружения кургана – первичная насыпь.

То, что **п. 6** “срезало” **п. 5**, а **п. 7**, в свою очередь, разрушило **п. 6**, свидетельствует в пользу определенного временного разрыва между **п. 5** и **п. 6**, с одной стороны, и **п. 6** и **п. 7**, с другой. Конечно, в обоих случаях “шаг” стратиграфии неизвестен. Тем не менее, можно утверждать, что интервал между совершением **п. 5** и **п. 6**, а затем – **п. 6** и **п. 7** должен был быть достаточным для того, чтобы исчезли внешние признаки совершенных ранее погребений. Только в таком случае интересующие нас захоронения могли “сесть” одно на другое. Отсюда правомерен вывод, что **п. 7** датируется далеко не начальной стадией III горизонта периодизации Р.А. Литвиненко. В пользу данного вывода существует и еще один косвенный аргумент. Погребенная была уложена в могилу на правом боку. Как показали разработки В.В. Отрощенко, именно на заключительном этапе его т.н. «бережновско-маевской срубной культуры»⁸ сильно возрастает удельный вес “правобочных” захоронений [Отрощенко 2001, с. 161]⁹. **П. 7** было впущено в первичную насыпь: его перекрытие лежит практически на уровне этой насыпи (рис. 2, 2). Очевидно, именно с **п. 7** связана досыпка, увеличившая первичный курган. Об этом можно судить по хорошо сохранившемуся перекрытию **п. 7** с сосудом (рис. 5, 2), которые, видимо, и сохранились так хорошо, потому что были практически сразу “закрыты” грунтом досыпки. В таком случае впускное в первичную насыпь **п. 6** не сопровождалось какими-то досыпками.

П. 1 было выявлено на глубине 0,41 м от Р. Делая поправку на то, что насыпь кургана была “расташена” вследствие распашки, стоит обратить внимание на следующее. Если бы данное погребение было впущено в первичную насыпь, то глубина его могильной ямы не достигала бы и 0,2 м, а это для срубной культуры аномально (см.: [Цимиданов 2004, рис. 19]). Отсюда правомерно допущение, что **п. 1** впускалось уже после совершения досыпки, связанной с **п. 7**. Поскольку же последнее занимает, как отмечено выше, довольно высокую хронологическую позицию в рамках позднесрубных памятников, **п. 1** правомерно относить либо к концу времени III горизонта, либо вообще к белозерскому времени [Подобед и др. 2012, с. 219]. В пользу последней даты косвенно может свидетельствовать то, что в **п. 1** отсутствовал сосуд, а это является одной из характерных черт массива захоронений финала эпохи бронзы, выявленного к востоку от ареала собственно белозерской культуры, точнее, – той его части, которая включает погребения с восточной, северо-восточной и юго-восточной ориентировкой умерших [Потапов 2005, с. 142; 2010, с. 15].

П. 2 было выявлено на несколько большей глубине (0,59-0,61 м от Р), чем предшествующее. Уровень его залегания близок к тому, на котором находилось **п. 6**.

⁷ В то же время, нельзя считать наличие грубых расчесов на сосуде слишком уж надежным аргументом в пользу ранней хронологической позиции данного сосуда в системе срубных древностей. Грубые расчесы хорошо известны и на позднесрубной керамике (см., например: Горбов, Мимоход 1999, рис. 3, 3; 5, 3; 6, 4; 10, 3; 11, 3, 4).

⁸ Авторы не согласны с концепцией В.В. Отрощенко, по которой выделяются две срубные культуры – “покровско-мосоловская” и “бережновско-маевская”, но это тема недавно написанной работы [Подобед и др. 2013].

⁹ Естественно, далеко не каждое “правобочное” погребение срубной культуры следует автоматически считать поздним. Данная форма труположения существовала на всех этапах срубной культуры. Но в нашем случае, что очень важно, “правобочность” коррелируется с высокой стратиграфической позицией **п. 7** в “колонке” срубных захоронений.

Присутствовавший в **п. 2** сосуд не находит аналогий в погребальных комплексах белозерского времени, а потому данное захоронение, скорее всего, является более ранним, чем **п. 1**. Стоит обратить внимание еще на один момент. По периметру дна сосуда из **п. 2** имеется плоская полоса, аналогичная таковой же, присутствующей на **сосуде 4** из насыпи кургана, который, как отмечено выше, может быть связан с **п. 6**. Отсюда весьма велика вероятность, что **п. 2** синхронно **п. 6**.

П. 3 находилось на небольшой глубине (0,39-0,45 м от Р), довольно близкой к уровню залегания и **п. 1**. Отсутствие в нем инвентаря вполне соответствует комплексам белозерского времени, выявленным к востоку от собственно белозерского ареала [Подобед и др. 2012, с. 219].

П. 4 было выявлено на глубине, несколько большей, чем у **п. 3** (0,64-0,73-0,75 м). Содержавшиеся в нем сосуды вполне соответствуют облику позднесрубной керамики. Хронологическая позиция комплекса не ясна. Скорее всего, он синхронен или **п. 6** или **п. 7**.

П. 8 содержало сосуд, который по своим технологическим особенностям сильно отличался от сосуда, выявленного на перекрытии **п. 7**, что косвенно свидетельствует о разновременности комплексов. Вместе с тем, глубина залегания **п. 8** (0,54 м) может быть соотнесена с уровнем **п. 1** и **п. 3** и намного уступает глубине **п. 7**. Отсюда возникает очень осторожное предположение, что **п. 8** может относиться либо к концу времени III горизонта, либо к финальной бронзе (белозерскому времени). Но последний вариант датировки менее вероятен, учитывая присутствие в захоронении сосуда, к тому же с формой, не характерной для погребений Северо-Восточного Приазовья белозерского времени.

П. 9 располагалось рядом с **п. 8** и на близкой глубине (0,49 м). Содержавшийся в нем сосуд, как по форме, так и по технологическим особенностям довольно близок к сосуду из **п. 8**. Отсюда весьма вероятным будет допущение, что оба погребения синхронны.

П. 10, в силу его разрушенности, отсутствия инвентаря и расположения на периферии насыпи кургана, синхронизировать с каким-либо из упомянутых выше погребений невозможно. Ясно, что **п. 10** впущено в первичную насыпь, но оно могло быть впущено и после совершения досыпки.

Итак, если подвести итог нашим размышлениям о взаимных хронологических позициях описанных захоронений, можно с долей вероятности выделить в кургане четыре хронологические группы:

I. Включает наиболее раннее **п. 5**;

II. Включает **п. 6**;

III. Включает **п. 7**; **п. 2, 4, 8, 9** могут относиться как ко II, так и к III хронологическим группам;

IV. **П. 1** и **3** [Подобед и др. 2012, с. 219].

Публикуемый курган интересен тем, что большая часть выявленных в нем захоронений являлись женскими (7 из 9, где с той или иной долей вероятности определен пол умерших). Исследователи уже давно обратили внимание на то, что курганы со срубными погребениями распадаются на два массива:

1. Курганы, где присутствуют захоронения лиц обоих полов и разных возрастных групп. Эти курганы обычно трактуются как некрополи отдельных семей [Попова 1953, с. 55; Смирнов 1960, с. 245; Богданов 2005а, с. 69; Мамонтов 2005, с. 58; Лифанов и др. 2008, с. 130; Васильева и др. 2012, с. 205], родовые могильники [Мерперт 1954, с. 144; Любчинский, Иванова 1996, с. 105; Халяпин 1998, с. 70; Кузнецов, Мочалов 1999, с. 224; Богданов 2005а, с. 69; Лапшин 2006, с. 19; и др.] или семейно-родовые могильники [Федорова-Давыдова 1968, с. 6; Колотухин 2003, с. 22; Глебов 2004, с. 64; Богданов 2005б, с. 92; Лопатин, Четвериков 2007, с. 39; и др.];

2. Курганы, демонстрирующие практику “сепарирования” умерших, т.е. такие, где нарушено естественное соотношение половых и возрастных групп. В частности, некоторые авторы выделяли “детские” курганы [Халяпин 1998, с. 70; Хохлов 2010, с. 149], “детско-

женские” курганы [Посредников, Зарайская 1993, с. 176-177; Литвиненко 1996, с. 65; Хохлов 2010, с. 149; Чаплыгин, Куфтерин 2010, с. 177], курганы, где были погребены преимущественно взрослые мужчины и женщины [Литвиненко 1996, с. 65], “женские” курганы [Хохлов 2010, с. 150]. В качестве примера последних А.А. Хохлов привел курган 10 могильника Спиридоновка II (Самарская обл. России). Здесь соотношение умерших женского и мужского пола составляло около 5:1, причем среди женщин преобладали лица зрелого возраста [Хохлов 2010, с. 150].

Представляется, что проблема существования “женских” курганов заслуживает рассмотрения. Нами было учтено 189 курганов с относящимися к срубной культуре погребениями женщин (как основными, так и впускными)¹⁰. При этом 93 кургана исследованы на восточной территории срубной культурно-исторической общности (Среднее и Нижнее Поволжье, Южный Урал) и 96 – на западной (Днепровско-Донецкий регион, Подонье, Предкавказье). Составляя сводку, мы отбирали курганы, где имелись данные о поле и возрасте погребенных (или, во всяком случае, большинства из них). В зависимости от соотношения захоронений разных половых и возрастных групп рассматриваемые курганы были разделены на следующие группы:

Восточная территория

1. Курганы, где было 1 погребение женщины, причем синхронные срубные погребения отсутствовали. Таких курганов учтено 22;

2. Курганы, где находились 1 погребение женщины и 1 и более погребений детей и/или подростков (до 14-и). Таких курганов 17. Стоит сделать уточнение. В 4-х курганах были парные погребения женщины и ребенка или подростка, а еще в 3-х – такие же парные погребения, но помимо них – 1-5 погребений детей и/или подростков;

3. Курганы, где были 1 женское и 1 мужское погребения. Учтено 5 курганов;

4. Курганы, где выявлены 1 женское, 1 мужское погребения и погребения детей и/или подростков (до 13-и). В группу включен курган, где женщина, мужчина и ребенок были погребены в одной яме. Всего группа содержит 13 курганов;

5. Курганы, содержавшие 1 женское погребение, несколько мужских (2-5), а также погребения детей и/или подростков (1-19). Учтено 7 курганов;

6. Курганы с погребениями 2 и более женщин. Их учтено 2. При этом в одном из них выявлено парное погребение женщин, а во втором – парное и одиночное погребения женщин;

7. Курган, где исследовано 2 погребения женщин и 1 – ребенка, причем последний был погребен в одной могиле с женщиной;

8. Курганы, где было несколько женских погребений, погребения мужчин, а также – детей и/или подростков. Такие курганы можно условно назвать родовыми или семейными могильниками. Их учтено 26. Обратим внимание на следующее. Применительно к 10 курганам есть данные о половой принадлежности всех взрослых. При этом число захоронений женщин и мужчин было 10 и 8, 4 и 3, 4 и 1, 3 и 5, 3 и 2 (2 случая), 3 и 1 (2), 2 и 2 (2). Еще в одном кургане выявлено 4 женских, 8 мужских и 1 захоронение взрослого без определения пола. Как видим, в учтенных курганах данной группы на восточной территории женских погребений, как правило, было больше, чем мужских (7 случаев из 11). Обратная ситуация имела место только в 2 курганах.

¹⁰ При составлении сводки мы не учитывали материалы публикуемого кургана, поскольку, как отмечено выше, его погребения распадутся на несколько хронологических групп, причем далеко не все из этих погребений можно надежно отнести к той или иной группе.

Западная территория

1. Курганы, где было 1 погребение женщины, причем синхронные срубные погребения отсутствовали. Таких курганов учтено 29;

2. Курганы, где находились 1 погребение женщины и 1 и более погребений детей и/или подростков (до 4-х). Таких курганов 20. Среди них – 3, где ребенок и подросток были погребены в одной могиле с женщиной;

3. Курганы, где были 1 женское и 1 мужское погребения. Данных курганов учтено 6, в т.ч. 1, где женщина и мужчина были погребены в одной яме;

4. Курганы, где выявлены 1 женское, 1 мужское погребения и погребения детей и/или подростков (от 1 до 27-и). Учтено 5 таких курганов. Уточним, что в 1-ом из них женщина была погребена в одной могиле с ребенком, мужчина – с подростком, а третье погребение являлось детским;

5. Курганы, где были 1 женское погребение и 2 мужских. Их учтено 2. Отметим, что на восточной территории курганов, где содержались бы погребения 1-ой женщины и более 1-го мужчины при отсутствии захоронений детей и/или подростков, нам неизвестно, что, впрочем, может объясняться недостаточной репрезентативностью сводки;

6. Курганы, содержавшие 1 женское погребение, несколько мужских (во всех случаях – 2), а также погребения детей и/или подростков (1-10). Учтено 5;

7. Курганы с погребениями 2 и более женщин (до 4-х). Их учтено 4;

8. Курганы, где исследовано несколько погребений женщин (до 4-х), а также – детей и/или подростков (до 15-ти). Таких курганов учтено 4;

9. Курганы, где были погребены несколько женщин и 1 и более мужчин. Их учтено 4. При этом соотношение захоронений женщин и мужчин являлось следующим: 3 и 3, 2 и 4, 2 и 3, 2 и 1. Отметим, что курганы данной группы на восточной территории нам неизвестны;

10. Курганы, где было несколько погребений женщин, погребения мужчин, а также – погребения детей и/или подростков (до 21-го). Таких “родовых” или “семейных” курганов учтено 17. Соотношение захоронений женщин и мужчин в тех случаях, когда об этом есть полная информация, составляло: 5 и 1, 3 и 1, 3 и 3, 2 и 2, 2 и 1 (2 случая). Еще в 1-м кургане выявлено 4 женских погребения, 1 мужское и 1 захоронение взрослого, где, пол не определен. Таким образом, в курганах рассматриваемой группы, как и на восточной территории, женских погребений было обычно больше, чем мужских.

Обобщенная информация о частоте встречаемости выделенных групп курганов на восточной и западной территориях срубной общности приведена в **табл. 1**. Хотя обе рассматриваемые сводки недостаточно репрезентативны, некоторые наблюдения сделать все-таки можно:

1. На обеих территориях срубной общности существовала достаточно выраженная практика, предполагавшая погребение части женщин отдельно от мужчин, детей и подростков;

2. На обеих территориях (если абстрагироваться от “родовых” и “семейных” могильников) женщин чаще хоронили отдельно от детей и подростков, чем с ними;

3. На обеих территориях (если не брать в расчет “родовые” и “семейные” могильники) у женщин вероятность быть погребенными в одном кургане с детьми и подростками была выше, чем вероятность быть погребенными с мужчинами. Кроме того, как мы уже отмечали, в “семейных” и “родовых” могильниках, как правило, женских погребений оказывается больше, чем мужских. Отмеченные факты, на наш взгляд, могут быть обусловлены двумя причинами:

а) часть мужчин, имевших при жизни высокий ранг, хоронили в индивидуальных курганах;

б) в некоторых социумах носителей срубной культуры, возможно, существовала матрилокальность. Данный институт предполагает переселение мужчины, вступающего в брак, в общину супруги. После смерти эти мужчины зачастую погребались не на кладбище

общины жены, а на кладбище той общины, в которой они родились. Стоит, однако, добавить, что даже если матрилокальность и имела место у срубников, она уже являлась анахронизмом, о чем свидетельствует существование “родовых” и “семейных” курганов, и, особенно, курганов, где присутствует пара “мужчина + женщина” (как в одной могиле, так и в соседних);

4. В “женских” курганах значительно чаще присутствовало погребение одной женщины, чем двух и более.

Курган 4 могильника Зинцева Балка, не являясь чисто “женским”, тем не менее, довольно ярко демонстрирует практику “сепарирования” умерших по половому признаку. Здесь не было погребений детей или подростков, а единственное из захоронений, где пол умершего определен как мужской (п. 10), было планиграфически обособлено от остальных (рис. 2, 1). Добавим, что среди всех известных нам “женских” курганов публикуемый наиболее интересен и уникален в силу следующего:

1. Здесь было “рекордное” соотношение женских и мужских захоронений – 7:1 (учитывая планиграфию, мы можем предположить, что это соотношение было больше – вероятнее всего – 9:1);

2. Массив захоронений публикуемого кургана формировался на протяжении довольно длительного времени. Протяженность III горизонта срубных погребений Приазовья, выделяемого Р.А. Литвиненко – около двух веков¹¹. Комплексы же к. 4 могильника Зинцева Балка, как мы пытались показать выше, выходят и за нижний, и за верхний пределы данного интервала. И, тем не менее, в кургане погребали практически одних лишь женщин, что не может являться следствием случайности. Очевидно, эта невысокая насыпь обладала, используя современную терминологию, высокой знаковой нагрузкой, как и те представительницы женского пола, которых следовало погребать именно здесь, а не на “семейных” (“родовых”) некрополях.

Из всех комплексов публикуемого нами кургана наибольший интерес представляет погребение 7, содержащее в составе погребального инвентаря каменный предмет, который типологически может быть трактован как пест, но на самом деле, как показывают данные трасологии, использовался и как пест, и как растиральник (рис. 6, 2)¹².

Подводя итог, отметим, что публикуемый курган 4 могильника Зинцева Балка содержит материалы, которые не только пополняют банк данных по срубной культуре Северо-Восточного Приазовья, но и выводят нас на дискуссионные проблемы, связанные с изучением общественного строя и религиозных верований населения срубной общности.

Підобід В.А., Усачук А.М., Циміданов В.В.

КУРГАН ЗРУБНОЇ КУЛЬТУРИ МОГИЛЬНИКА ЗИНЦЕВА БАЛКА (ПІВНІЧНО-СХІДНЕ ПРИАЗОВ'Я)

У статті публікуються матеріали розкопок кургану зрубної культури, котрий досліджувався на околиці м. Маріуполь Донецької обл. України. Автори, аналізуючи виявлені у ньому поховання, загострюють увагу на практиці “сепарування” небіжчиків, що мала місце у носіїв зрубної культури.

Ключові слова: зрубна спільнота, поховання, соціальна група, статевовікова група.

¹¹ В статье, где предложена эта периодизация, не приводятся абсолютные даты, но отмечено, что данный горизонт синхронен III горизонту погребений Северского Донца [Литвиненко 1999, табл. на с. 19], а последний Р.А. Литвиненко датировал XIV-XIII вв. до н.э. [Литвиненко 1994, с. 15].

¹² Одним из авторов данной работы уже было высказано предположение, что пест, помещенный в могилу, у носителей срубной культуры маркировал принадлежность умершего к служителям культа [Цимиданов 2004, с. 57]. Некоторые погребения свидетельствуют об этом довольно красноречиво. Ситуация с пестом-растиральником в п. 7 кургана 4 могильника Зинцева Балка требует отдельного, более пристального внимания.

**BARROW OF TIMBER-GRAVE CULTURE OF ZINTSEVA BALKA BURIAL GROUND
(NORTH-EASTERN AZOV SEA LITTORAL)**

The paper presents materials from a barrow of the Timber-Grave culture which has been excavated at the outskirts of Mariupol, Donetsk region, Ukraine. The authors analysed the inhumations which had been found in the barrow, and stress on the practice of “separation” of the deceased which existed in the Timber-Grave culture.

Keywords: Timber-Grave community, burial, social group, sex and age group.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Богданов С.В. Першинский некрополь: курганы №№ 3 и 4 / С.В. Богданов // Каргалы: Некрополи на Каргалах. Население Каргалов: палеоантропологические исследования. – Т. IV. – М.: Языки славянской культуры, 2005а. – С. 49-69.

Богданов С.В. Комиссаровский некрополь / С.В. Богданов // Каргалы: Некрополи на Каргалах. Население Каргалов: палеоантропологические исследования. – Т. IV. – М.: Языки славянской культуры, 2005б. – С. 70-99.

Васильева И.Н. Новые памятники срубной культуры на востоке Самарской области / И.Н. Васильева, Л.С. Кулакова, Н.П. Салугина // Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области). – Самара, 2012. – С. 198-247.

Глебов В.П. Исследования курганных могильников Репный I, Раскатный I, Калинов II / В.П. Глебов // Труды археологического научно-исследовательского бюро. – Ростов н/Д, 2004. – Т. I. – С. 57-186.

Горбов В.Н. Об одной категории керамики позднего бронзового века / В.Н. Горбов // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в. н.э.: матер. докл. конф. – Тирасполь, 1994. – С. 130-133.

Горбов В.Н. Культурные комплексы на поселениях срубной культуры Северо-Восточного Приазовья / В.Н. Горбов, Р.А. Мимоход // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк, 1999. – С. 24-69.

Колотухин В.А. Поздний бронзовый век Крыма / В.А. Колотухин – К.: Сталос, 2003. – 139 с.

Кузнецов П.Ф. Могильник Спиридоновка IV в контексте хронологии срубной культуры Саратовского Заволжья / П.Ф. Кузнецов, О.Д. Мочалов // Вопросы археологии Поволжья. – Вып. 1. – Самара, 1999. – С. 206-226.

Кучугура Л.И. Доисторический период в Приазовье / Л.И. Кучугура // Мариуполь и его окрестности: взгляд из XXI века. – Мариуполь: Рената, 2006а. – С. 6-32.

Кучугура Л.И. История исследования древностей Приазовья / Л.И. Кучугура // Мариуполь и его окрестности: взгляд из XXI века. – Мариуполь: Рената, 2006б. – С. 294-302.

Лапшин А.С. Памятники раннего и среднего этапов эпохи поздней бронзы Волго-Донского региона (по материалам погребальных памятников): автореф. дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук: спец. 07.00.06 “Археология” / ИИМК РАН. – СПб., 2006. – 27 с.

Литвиненко Р.А. Некоторые черты половозрастной организации срубных могильников Донецкого региона / Р.А. Литвиненко // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века: матер. науч. конф. – Волгоград: Перемена, 1996. – С. 62-66.

Литвиненко Р.А. Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья / Р.А. Литвиненко // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк, 1999. – С. 4-23.

Литвиненко Р.О. Зрубна культура басейну Сіверського Дінця (за матеріалами поховальних пам'яток): автореф. дис. на здобуття наук. ступеню канд. іст. наук: 07.00.06 / Ін-т археол. НАНУ. – К., 1994. – 21 с.

Лифанов Н.А. Исследования курганного могильника Степановка III в 2006 г. / Н.А. Лифанов, А.И. Крамарев, В.А. Цибин // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. – Самара, 2008. – С. 123-142.

Лопатин В.А. Исследование курганного могильника “Мессер V” на севере Волго-Донского междуречья / В.А. Лопатин, С.И. Четвериков // Археологическое наследие Саратовского края. – Вып. 8. – Саратов: Научная книга, 2007. – С. 23-49.

Любчинский И.Э. Могильник Ильясский I – новый погребальный комплекс срубно-алакульского времени / И.Э. Любчинский, Н.О. Иванова // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. – Челябинск, 1996. – С. 89-105.

Мамонтов В.И. Население эпохи бронзы правобережья Хопра по материалам раскопок Донской экспедиции / В.И. Мамонтов // Проблемы дослідження пам’яток археології Східної України. – Луганськ, 2005. – С. 57-60.

Мерперт Н.Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья / Н.Я. Мерперт // МИА. – 1954. – № 42. – С. 39-156.

Отрощенко В.В. Проблемы периодизации культур средней та поздней бронзы южной Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення) / В.В. Отрощенко. – К., 2001. – 288 с.

Пиневиц П. Дневник археологических работ на Мариупольщине за 1929 год. – НА ИА НАНУ. – Ф. ВУАК. – № 546.

Пиневиц П.М. Археологические раскопки в Мариупольском округе. 1925-1929. – НА ИА НАНУ. – Ф. ВУАК. – № 309/23.

Подобед В.А. Некоторые дискуссионные проблемы археологии юга Восточной Европы финала бронзового века / В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов // ДАЗ. – № 16. – Донецк: Вид-во Донецк. ун-ту, 2012. – С. 194-245.

Подобед В.А. Срубная общность: две археологические культуры или внутрикультурная непрерывность? / В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов // АА. – № 30. – Донецк, 2013. – С. 196-256.

Попова Т.Б. Керамика Мелекесских курганов / Т.Б. Попова // Труды ГИМ. – Вып. XXII: Археологический сборник. – М., 1953. – С. 53-62.

Посредников В.А. Материалы курганов у с. Огородное (Северное Приазовье) / В.А. Посредников, Н.П. Зарайская // ДАС. – № 4. – Донецк, 1993. – С. 82-178.

Потапов В.В. О культурной атрибуции памятников финала поздней бронзы Нижнего Подонья / В.В. Потапов // Труды ГИМ. – Вып. 145: II Городцовские чтения: матер. науч. конф. – М., 2005. – С. 138-150.

Потапов В.В. Памятники финальной бронзы Нижнего Подонья: автореф. дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук: спец. 07.00.06 “Археология” / Ин-т археол. РАН. – М., 2010б. – 26 с.

Смирнов К.Ф. Быковские курганы / К.Ф. Смирнов // МИА. – 1960. – № 78: Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции): в 2 т. – Т. I. – С. 169-268.

Усачук А.М. Раскопки кургану на околиці Маріуполя (Північно-Східне Приазов’я) / [А.М. Усачук, В.В. Циміданов, В.А. Підобід, Р.О. Литвиненко] // АДУ 2005-2007 рр. – К.; Запоріжжя, 2007. – С. 388-395.

Федорова-Давыдова Э.А. Племена Южного Приуралья в эпоху бронзы: автореф. дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук / Ин-т археол. АН СССР – М., 1968. – 26 с.

Халяпин М.В. Курганы срубной культуры у с. Свердлово / М.В. Халяпин // Археологические памятники Оренбуржья. – Вып. 2. – Оренбург: Изд-во Оренбург. ун-та, 1998. – С. 57-86.

Хохлов А.А. Демографические процессы в северной половине Волго-Уралья в эпохи энеолита и бронзы / А.А. Хохлов // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. – Екатеринбург; Самара; Донецк, 2010. – С. 133-166.

Цимиданов В.В. Социальная структура срубного общества / В.В. Цимиданов. – Донецк, 2004. – 204 с.

Чаплыгин М.С. Каранаевский могильник срубной культуры на юго-западе Башкортостана / М.С. Чаплыгин, В.В. Куфтерин // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология: матер. науч. совещ. – Уфа: Изд-во Башкорт. гос. педин-та, 2010. – С. 176-178.